

*Ткаченко Анне
Береги талисман!*

История про Деда Мороза и Снеговика. Подлинная или нет, никто не знает. А если и подлинная, то где и в каком году состоялся их разговор — тоже неизвестно. Возможно, на Северном полюсе или в Великом Устюге? Возможно... Но, как показывает практика, самое удивительное и волшебное всегда происходит рядом, практически за углом...

Здравствуй, дорогой Дедушка Мороз!

Пишут тебе Гусев Витя, Иванов Коля, Матвеев Саша и Курочкин Петя. Мы очень долго ждали, когда же наступят холода, когда же посыплется с неба пушистый снег, а магазины украсят мишурой и разноцветными лампочками. Зима — самое красивое время года. Впрочем, Дедушка, ты и сам об этом знаешь. И мы очень любим Новый год и всегда с нетерпением ждем того момента, когда можно будет помечтать о подарках. а лучше, конечно, поддержать их в руках.

Нам почему-то все твердят, что Деда Мороза не существует, но мы не верим и беспощадно боремся с теми, кто так говорит. Мы помним те сказочные

ЮЛИЯ КЛИМОВА

моменты, когда ты клал нам под елочку книжки, вместо больших и блестящих машинок, конфеты, увы, шоколадных было мало, рубашки и шерстяные носки жаль, не хоккейную клюшку или боксерские перчатки. И мы очень надеемся, что и в этом году ты не забудешь о нас.

Мы долго думали: чего же нам хочется? И пришли к выводу, что очень бы ты нас порадовал финансовым благополучием. Это мы о банальных деньгах, дорогой Дед Мороз. Не завалилась ли в твоём мешке хорошая пухленькая премия, которая сделает нас абсолютно счастливыми и докажет злым и нехорошим людям, что на свете всегда есть место сказке...

Спасибо, Дедушка, за то, что ты у нас есть. Передавай привет Снегурочке.

Твои повзрослевшие Витя, Коля, Саша и Петя.

— Н-да-а-а, — многозначительно протянул Дед Мороз, тяжело вздохнул, пригладил белую бороду и положил лист бумаги на стол. — Совсем народ одичал. И ведь каждый второй денег требует... Что мал, что велик... Н-да-а-а... А помнишь, какие письма раньше приходили?

— Помню, — буркнул в ответ Снеговик, по опыту зная, к чему приведет этот задушевный разговор: расстроится старик, хорошенько ударит стужей по полям и лесам, нагонит снежных облаков на города, заморозит пару рек и ляжет спать на трое суток. А ты тут крутись-вертись юлой! Зайцы за морковью, между прочим, каждый день приходят, волки, как им и положено, подарки воруют, лисы переворот

Разбуди мое сердце

замышляют. Завтра еще Снегурочка вернется, а это дополнительные хлопоты. Тройку лошадей кормить надо? Надо! Да и новые мешки с письмами тоже сами до избы не дойдут. Какие тут могут быть депрессии? Не время.

— Здоровья для своих близких просили, мечтали освоить иные земли, в космос вот слетать тоже хотели...

— Так слетали уже, — усмехнулся Снеговик, надеясь сменить тему. — И не один раз. Давайте еще что-нибудь почитаем, а? — Он ткнул vareжкой в небольшую стопку конвертов, занявшую место около коробки с елочными игрушками. — Обратите внимание на конверт со снегирем. Сверху лежит. Без сомнения, он от хорошего мальчика или девочки.

— Это с чего ты взял?

— А нам со снегирами всегда везло — примета у меня такая. Или краски ребенку нужны, или книга. Проверено!

Дед Мороз оставил предложение без внимания, подошел к окну, тяжело сел в потертое кресло и нахмурился, отчего на лбу образовались морщины.

— А еще любви просили... помнишь?

— Да будет вам, — фыркнул Снеговик, прощаясь с надеждами. Не-а, не угомонится старик, пока слезу из каждой березы не выжмет! Прошлый приступ ностальгии чем закончился? Весь лес рыдал, даже волки. Прав он, конечно, прав, но и людей понять можно... Жизнь-то другая пошла...

— Никакая не другая, — грозно произнес Дед Мороз, привычно угадав мысли своего помощника,

ЮЛИЯ КЛИМОВА

и ворчливо добавил: — Ведро-то на голове поправь, умник. Съехало!

— Нам бы самим упряжь сменить, и сани уже вид потеряли... Двадцать третью заплатку вчера поставил, краска отваливается и полозья ржавые, — ничуть не обидевшись, пользуясь случаем, поклянчил Снеговик. — Неприлично же.

— Нормальные сани.

— Неприличные.

— Нормальные.

— Неприличные.

Дед Мороз махнул рукой, мол, спорить с тобой бесполезно, и затих. Кустистые брови, усы, борода скрывали его мысли и чувства, но узорчатый иней, мало-помалу проступающий на окнах, выдавал настроение.

«Мудрует чего-то... — опасливо подумал Снеговик и убрал мешок с оставшимися письмами под стол. Работа на сегодня, похоже, закончилась, — мудрует...» Если бы в избу снега намело сантиметров на десять в высоту или, например, покосилось крыльцо от резкого порыва ветра с кусочками льдинок (по полкилограмма каждая), то тогда сценарий дальнейших событий был бы известен: лютая стужа, тяжелые облака, колючая метель, неподвижные реки и обида на три дня; но если узоры на стекле... Хм.

— Чудес раньше просили, волшебства... А сейчас ничего не ценят, не удивляются... А сказку-то никто не отменял... — тихо, с блеском в глазах произнес Дед Мороз и добавил уже громко и требовательно: — Давай-ка сюда два елочных шара!

Разбуди мое сердце

— Каких?

— Любых!

Снеговик заглянул в коробку и взял два простеньких шара: один красный, другой зеленый. На каждом была нарисована самая обыкновенная белая снежинка.

— Подойдут?

— Вполне. Садись и пиши. — Дед Мороз мгновенно подобрел, вытянул ноги в валенках и сцепил руки на животе. — Инструкция.

— Так и писать «инструкция»? — переспросил Снеговик без тени изумления. За годы службы он еще и не то повидал, а уж какие поручения выполнять приходилось... Первые месяцы было тяжело, очень растаять боялся (то от умиления, то от радости, то от шока), а потом ничего, привык, закалился.

— Да. Значит, инструкция! Где мой посох? Не видел? А то поколдовать же потом нужно.

— Около двери.

Дед Мороз поерзал немного в кресле, затем устремил мечтательный взгляд к потолку и принялся диктовать:

— *С шарами обращаться бережно, ибо ценности они немалой. Под Новый год при желании можно украшать ими елку... м-м... или еще что-нибудь. Каждый шар наделен особой силой и владельцу рано или поздно принесет либо счастье, либо несчастье...*

— Больно мрачно получается, какое еще несчастье? Это не наш профиль.

ЮЛИЯ КЛИМОВА

— Много ты понимаешь! Критик выискался! Чудеса — они всегда неспроста появляются, не на пустом месте произрастают, а через преграды, трудности, каверзы к солнцу тянутся... Не сбивай!

— Да мне-то что, — вновь взялся за шариковую ручку Снеговик.

— Далее... *Несчастливым станет тот, кто разобьет свой шар в гневе или по другой подобной причине. Специально то есть.* — Дед Мороз поднял указательный палец вверх, подчеркивая важность момента. — *А счастливым станет тот, у кого шар разобьется случайно...* Разницу чувствуешь? — поинтересовался он на всякий случай.

— Чувствую, — подтвердил Снеговик. — И согласен: нечего наше добро зазря портить. Таскаешь на спине, таскаешь, а они поиграли и на следующий день забыли, или не понравилось и поломали...

— Это условие я для того добавил, чтобы волшебство получилось неожиданным, а то на радостях сразу бить начнут, — объяснил Дед Мороз. — Народ-то нетерпеливый, и, опять же, преграды требуются... — Он погладил бороду, поморщился. — И стишок какой-нибудь добавь, для атмосферы. На прошлой неделе на утреннике в двадцать четвертом садике очень хорошее стихотворение читала девочка Полина, вот его и запиши, как положено — посередине, столбиком. Шары упакуй да подбрось в какой-нибудь магазин — на полку, подальше в уголок... Будет им волшебство... Ох, будет.

— А как упаковать? В отдельные коробки?

Разбуди мое сердце

— Нет, клади в одну, пусть сами разбираются, сами делят, раз такие умные. — Дед Мороз поднялся, подошел к двери, взял посох, стукнул им по полу и коротко, но торжественно произнес: — Повелеваю!

Белая пыльца мельчайших снежинок, появившаяся из ниоткуда, закружилась, замерцала, затем вытянулась в тонкую волнистую ленту и полетела к Снегову. Остановившись над шарами, превратилась в золотистое облако, сверкнула напоследок, плавно опустилась на шары и исчезла.

Дед Мороз удовлетворенно кивнул, вновь прислонил посох к двери и радостно потер руки — настроение после исполнения задуманного явно улучшилось. Наколдовал-то хорошо, правильные снежинки получились: малюсенькие, но задиристые...

— Апчхи! — чихнул Снеговик и схватился за морковку, служившую ему верой и правдой много лет. Да, а что здесь такого? У кого-то нос, а у кого-то морковка. — Апчхи!

— Будь здоров, — улыбнулся Дед Мороз. — И давай следующее письмо, то, что со снегирем.

Глава 1

АЛЬКА ВОРОБЬЕВА И ЕЕ ВЕЛИКАЯ ЛЮБОВЬ

Дух противоречия — это сила! Можно бесконечно мечтать, строить планы, ставить цели и задачи, но так и не сдвинуться с места. Можно плыть по течению вялой реки, не пользуясь даже веслом, или непрерывно скучать и кукситься в ожидании чего-то интересного, нового и, конечно, необходимого, как воздух. Где же?.. Когда же?.. Да, можно. Но если в душе — буря, если каждый день напоминает сражение, если вечный непокой постоянно толкает в спину, а главное — на свете есть человек, которому необходимо доказать слишком много, то поступки становятся быстрыми, слова острыми, и совершенно неизвестно, что случится завтра и чем это закончится.

В жизни решительной и дерзкой Альки такой человек был. Глеб Сергеевич Воробьев, ее отец. О, она бы никогда не призналась, что настолько нуждается в нем, что его мнение важно, что общения катастрофически не хватает... Дух противоречия давным-давно занял самые передовые позиции, и реальность воспринималась совсем под другим углом. Да и нелегко признаваться в слабостях, ко-

Разбуди мое сердце

гда тебе уже двадцать два года и самостоятельность льется через край.

В раннем детстве Алька была любопытной, озорной, задиристой девчонкой, не терпящей вмешательства старших в свои важные дела. Самостоятельно одевалась и раздевалась, ела без лишних разговоров и редко морщила нос, говоря: «Я это не буду». Слопает все, что на тарелке, и бежит воспитывать молодежь — разгонит в песочнице малышню по углам, придумает какую-нибудь игру, раздаст каждому роль (ты — зайчик, а ты — белочка). И в конце всегда получается, что она — самая главная и к тому же победила.

Школьные годы были действительно чудесными — Аля ловила знания на лету, умнела на глазах и... доводила учителей до отчаяния.

Только бы папочку вызвали к директору.

И вызывали.

Но бесполезно.

Во-первых, Глеб Сергеевич не умел обращаться с детьми, а уж тем более с подростками. Процесс воспитания был для него китайской грамотой, которую к тому же залили кофе и чаем одновременно. «Да, понял, да, всыплю», — с чувством говорил он, лишал дочь карманных денег, телевизора, ругал для порядка пять минут и мгновенно забывал о произошедшем, переключившись на дела личного характера. Альке казалось, что отцу тоже не мешало бы всыпать разок, хотя бы за то, что на каждое светское мероприятие он берет не только ее, но и очередную секретаршу — обязательно вы-

ЮЛИЯ КЛИМОВА

сокую, красивую, фигуристую девушку в откровенном платье.

— Стой ровно, ни к кому не цепляйся, — обычно напутствовал Алю любимый папа перед входом в роскошный ресторан. А она и не цеплялась... поначалу. Бродила между столиками, кушала пирожные и танцевала ритмичные танцы бедуинов под изумленными взглядами присутствующих.

Отец оплатил обучение в МГУ, но она самостоятельно поступила в финансовую академию, он захотел, чтобы Аля выучила английский, а она обложила учебниками по французскому и через полгода бонжурила так, что любо-дорого слушать. Затем Глеб Сергеевич неожиданно понял, что дочка выросла, и захотел сделать из нее этакую барышню, которую не стыдно предъявить друзьям и знакомым. Посоветовавшись с очередной любовницей, он потащил Альку к стилисту. Она послушно пошла, но только для того, чтобы потом с особым удовольствием распрямить кудри и перекрасить русые волосы в яркий медный цвет. И красных прядок добавила, чтобы уж оглушить наверняка... Глеб Сергеевич побледнел, побагровел и ухнул выразительное: «У всех дети как дети, а у меня — чудовище!» — махнул рукой и нашел утешение в объятиях сексапильной секретарши. Алке срочно требовались новые горизонты...

Находясь в процессе написания диплома, она решила не терять времени даром: почему бы не устроиться на работу? Собственные деньги не помешают, да и времени свободного — куча. Пока

Разбуди мое сердце

можно трудиться на благо фирмы папочки, а там видно будет...

Для начала она напросилась в бухгалтерию перебирать бумажки — занятие оказалось малополезным и скучным, однако у Альки хватало и других развлечений. Окружающие воспринимали ее со сдержанным недоумением и опаской (все же дочь генерального директора), а она охотно платила им той же монетой — привычно куролесила, загоняя недругов в тупик, и прекрасно себя чувствовала в любой роли. Три месяца пролетели незаметно, а потом случилась великая любовь...

— Я ему сама скажу, — бросила Алька, оборачиваясь к Костику. — Меня он точно не убьет, а вот за твою жизнь я не дам даже ломаного гроша.

* * *

Глеб Сергеевич Воробьев отдыхал. Похмелье — особое состояние, при котором противопоказано усиленно думать, производить какие-либо действия или принимать решения. Лучше лежать на прохладном кожаном диванчике, свесив руку, стонать и материть головную боль, а также дружков-одноклассников, которые вчера затащили в сауну, а потом в ресторан. Пять лет не виделись, и хорошо же было! Не скучали, не перезванивались, не задавали друг другу дурацких вопросов, не хвалились, как сороки на базаре. А тут втемяшилось одному в голову встретиться — и пошло-поехало! Креветки, капусточка, зеленый лучок и водочка...

ЮЛИЯ КЛИМОВА

Да чтоб ей пусто было! И зачем он вообще при-
тащился в офис, да еще на машине? Директор...
ага... директор... привык! Будто без него стираль-
ный порошок и гель для унитаза по коробкам не
распихают.

— Ой, мама дорогая, — жалобно пропел Воро-
бьев, медленно поднимаясь. — Не пей, Андрюха,
никогда не пей! Ой... — Остановив взгляд на графиче-
ске с водой, он подошел, взял его и пузатым боком
приложил к виску. — Наташка со мной теперь не
разговаривает, осуждает... А я себе другую секрет-
таршу найду — молчаливую и покладистую. Совсем
девки обнаглели... Кто в доме хозяин?

— Просто помирись, — спокойно ответил Ан-
дрей, не оборачиваясь. Его внимание было прико-
вано к карте России, пришпиленной к стене разно-
цветными кнопками. Ярославль, Иваново, Тверь,
Владимир, Рязань и другие города оранжевыми
пластмассовыми флажками сообщали о том, что
на их территории находятся обособленные подраз-
деления фирмы «Крона-Ка», и, соответственно, с
бытовой химией у них все в порядке, потому что
трудоголик Воробьев денно и ночью работает над
расширением бизнеса. Контролирует буквально из
последних сил! И ему нет равных даже в состоянии
тяжелого похмелья.

— Полюбуйся, полюбуйся, — поддел Глеб Сер-
геевич, — пока ты по тундрам и Америкам разъез-
жаешь, я делом занимаюсь, свои и твои тугрики
преумножаю, между прочим.

— Так я и люблюсь.

Разбуди мое сердце

— Забей на науку, заканчивай со своими проповедями...

— Лекциями, — поправил Андрей.

— Какая разница, — сморщился Воробьев, громыхнул графином о журнальный столик и вернулся к дивану. Сел, закинул ногу на ногу, издал короткий стон и добавил: — Я на тебя надежды возлагал, а ты...

— А я пошел другим путем.

— Ну и дурак!

Лет двенадцать назад фирма «Крона-Ка» в равных долях принадлежала Глебу Сергеевичу Воробьеву и Григорию Петровичу Зубареву. Сначала их объединяли общие знакомые, а затем — обоюдное стремление к успеху. Производство росло, продажи тоже (спасибо новым технологиям и собственным амбициям), маленький офис сменился просторным и светлым.

Шесть лет они трудились в одной упряжке, терпели противоположные характеры друг друга и считали доходы. Но судьба нанесла страшный удар — Григорий Зубарев отравился какой-то гадостью за границей, долго лечился уже на родине, да так и не выкарабкался... Доля перешла к его сыну Андрею, который мало интересовался импортом и экспортом, прибылями и убытками, зато все свое время посвящал молекулярной биологии. Попытки Воробьева привлечь парня к руководству пропали даром, и пришлось Глебу Сергеевичу тянуть воз одному. Со временем он привык, но изредка поддевал Андрея: то в шутку,

ЮЛИЯ КЛИМОВА

то с обидой, а то автоматически, без всяких надежд и пожеланий.

Несмотря на разницу в возрасте (а тринадцать лет — немало), между ними сразу сложились легкие отношения, инициатором которых был Воробьев. Он терпеть не мог занудных «вы», длинных «с уважением», непонятных «если» и упрощал все, что только можно упростить, когда дело касалось близких людей. И получалось это естественно, и сопротивление всегда оказывалось бесполезным.

Андрей эту дружбу подхватил, но в дуэте занял скромное место наблюдателя. Иногда после «пацанских» историй Воробьева он с иронией задавался вопросом: а кто из них в действительности старше? Глебу Сергеевичу по отношению к жизни его сорок семь лет можно было дать с бо-о-ольшой натяжкой.

Последние два года они виделись редко — Андрея постоянно приглашали читать лекции, и он не отказывался, приобретая, по возможности, в других городах и странах дополнительный опыт. Но и домой тянуло, и здесь его ждали не менее важные дела: с середины января его команда начинала работать над новой темой, что по значимости перекрывало все остальное.

— Бросаю пить, бросаю пить, — как заклинание, свято веря в каждое слово, произнес Воробьев. — И когда только лекарство от похмелья придумают? Не фигню, а нормальное? Не в каменном веке живем! Кстати, твоя биология на нужные позарез лекарственные препараты не распространяется?